

Чжэн Шаньцы велел стражникам уволочь и Чэн Жу, и главу семьи Чэн. Лицо старейшины стало пепельным. Он с мольбой посмотрел сперва на инспектора Ли, а затем на Чжэн Шаньцы.

— Это всё мой сын, я уже стар. За годы службы я сделал немало для народа. Неужели чиновник Чжэн не может проявить хоть каплю снисхождения?

Глава семьи Чэн, услышав это, похолодел. Он и так знал, что ему не избежать смерти, но слова отца больно ранили.

Чжэн Шаньцы ничего не ответил, лишь махнул рукой стражникам, чтобы те поскорее увели их и не мозолили глаза. Инспектор Ли поднялся. Видя, что начальник уезда не оставил ему ни малейшего шанса сохранить лицо и не проявил к Чэн Жу ни капли пощады, он помрачнел и, тяжело хмыкнув, процедил:

— Хорош же уездный начальник уезда Синьфэн, чиновник Чжэн!

Он гневно взмахнул рукавами и покинул зал.

Чжэн Шаньцы, учтиво сложив руки, почтительно проводил инспектора взглядом. Его манеры были безупречны, и никто не смог бы найти в них изъяна.

Он вернулся во внутренние покои. Регистратор Цзян, поспешивший за ним, весь покрылся испариной.

— Чиновник Чжэн, — залепетал он, — вы оскорбили инспектора Ли, это дурно скажется на вашей карьере. Семья Чэн и так уже сокрушена. Вы могли бы оказать господину Ли любезность, проявить снисхождение к старейшине Чэну. Ему ведь и так недолго осталось жить. Могли бы пойти на уступки ради взаимной выгоды.

Чжэн Шаньцы сел в кресло и протянул регистратору Цзяну свиток с делом.

— Не то чтобы я не хотел его отпускать. Это он сам сотворил слишком много зла. Даже если бы я и хотел проявить мягкость, я не могу.

В слишком чистой воде рыба не водится, и в мире чиновников человеческие отношения играют не последнюю роль. Но семья Чэн слишком долго властвовала в уезде Синьфэн, никого не ставя ни в грош и пролив столько крови. Отпустить их — значит пойти против совести. Взаимная выгода была лишь односторонним желанием Чэн Жу.

Регистратор Цзян открыл было рот, чтобы попытаться переубедить начальника, но тот лишь

отмахнулся.

— Не нужно меня больше уговаривать. Я понимаю последствия. Возьмите людей из податной канцелярии и опечатайте имущество семьи Чэн.

Регистратор Цзян, получив приказ, удалился. Чжэн Шаньцы должен был составить доклад о деле для Министерства наказаний. Кроме того, он написал донесение о преступлениях помощника начальника Ци в Министерство чинов с просьбой прислать замену. Хотя он и был начальником уезда, назначать своего помощника он не мог. Земли, лавки и слуги семей Ци и Чэн — всё это требовало разбирательства.

Что до семьи Гао, если они будут вести себя смирно и проявят благоразумие, он, возможно, оставит их в покое, лишь слегка потрепав. Уничтожить разом четыре крупнейших рода города было бы неразумно для дальнейшего развития уезда. Некоторые дела всё ещё требовали их участия.

Чжэн Шаньцы владел искусством кнута и пряника в совершенстве.

Регистратор Цзян вместе с дьяньши Чжу отправился описывать имущество семьи Чэн. Когда они открыли кладовые, жёны, дети и старики, стоявшие рядом, разразились рыданиями.

Перед их глазами предстало слепящее золото. Сундуки были доверху набиты драгоценными свитками с каллиграфией, ювелирными украшениями, а золота и серебра было столько, что его вывозили из поместья целыми повозками.

Если это не было нажито воровством, откуда такое богатство? Те из горожан, кто ещё сомневался, при виде этого зрелища отбросили последние сомнения.

— Откуда у семьи Чэн столько золота и серебра?

— Должно быть, наворовали, пока были у власти.

— Ещё бы не наворовали! Вы посмотрите, сколько у них земель в уезде! Одной только арендной платы хватило бы на роскошную жизнь, а ведь у них ещё столько лавок и поместий. И вы ещё говорите, что старейшина Чэн был хорошим? Хорош, как же! Силой уводил девушек, притеснял простой народ, а сам строил из себя благодетеля.

Одна женщина усмехнулась:

— И чего же ты раньше молчал, а теперь заговорил?

— Раньше боялись! Попробуй пойти против семьи Чэн, разве сможешь потом в уезде жить?

Жители с завистью смотрели на вывозимые из поместья сундуки. Сколько же серебра достанется казне после описи имущества семьи Чэн?

Инспектор Ли, остановившийся на почтовой станции, вместе со своим слугой наблюдал, как Чжэн Шаньцы опечатывает поместье Чэн. Он видел, как члены семьи с тоской смотрят на свой бывший дом, слышал плач детей, и сердце его сжалось от сочувствия.

— Этот Чжэн Шаньцы просто чудовище! Сердце у него из камня! Когда я вернусь в столицу, непременно напишу на него разгромный доклад!

Слуга, много лет служивший инспектору Ли и знавший его гордый нрав, всё же решился напомнить:

— Господин, этот начальник уезда осмелился так вам перечить и расправиться со старейшиной Чэном. Должно быть, у него есть могущественная поддержка.

— Да какая у него может быть поддержка в этой дыре, куда и птицы не залетают?! — взорвался инспектор Ли.

Одна мысль о том, что какой-то уездный начальник посмел ему возразить, приводила его в ярость. Он готов был бросить Чжэн Шаньцы в темницу и сорвать с него чиновничий халат.

— Я знаю, молодые чиновники бывают гордыми, — процедил он, — но за свою гордость нужно платить.

Хотя справедливость восторжествовала, Юй Ланьи кипел от гнева.

— Да что это за чиновник, что за человек, который смеет так вести себя перед Чжэн Шаньцы!

— Будь он порядочным человеком, можно было бы и проявить уважение. Но он приехал сюда лишь для того, чтобы набить себе цену, — Юй Ланьи злился всё больше. — Какой-то инспектор! Стоит ему оказаться в столице с нечистыми руками, я с него шкуру спущу.

— Не гневайтесь, господин. Я уже велел разузнать всё об этом господине Ли. Как только будут новости, я вам доложу.

Чжэн Шаньцы вернулся лишь поздно вечером, измотанный и уставший. Юй Ланьи встретил его и ущипнул за руку.

— Ну что ты так себя изнуряешь? Я велел на кухне приготовить для тебя суп из ласточкиных гнёзд. Не губи своё здоровье.

Юноше просто нравилось щипать его за руки, и Чжэн Шаньцы уже привык к этому. Он вошёл в комнату, и как раз в этот момент из кухни принесли суп. Чжэн Шаньцы сел за стол и, не желая обидеть супруга отказом, принялся есть.

— Чжэн Шаньцы, я видел, как ты судил Чэн Жу. И видел того инспектора Ли. Не бойся, я за тебя заступлюсь, — вздернув подбородок, заявил Юй Ланьи.

В столице его никто не смел обидеть. И здесь, в уезде Синьфэн, где Чжэн Шаньцы был главным, тоже не находилось наглецов. А теперь появился этот инспектор Ли и сам напросился на неприятности.

— Благодарю, фулан, — с улыбкой ответил Чжэн Шаньцы.

Будучи всего лишь уездным начальником седьмого ранга, он не осмелился бы так дерзко себя вести, если бы не поддержка семьи тестя. В мире чиновников выжить было нелегко, и, столкнувшись с таким старым лисом, можно было в одночасье лишиться должности.

Съев суп, он отдал посуду слуге. После омовения Юй Ланьи обнял его и уткнулся лицом ему в грудь.

— Впредь, если встретишь таких людей, сразу называй поместье хоу Чанян. Ты не представляешь, как мне сегодня хотелось надавать этому старому негодю по лицу. — Юй Ланьи поднял голову и ущипнул Чжэн Шаньцы за щеку. — Тебя могу обижать только я.

— Не хочу, чтобы тебя обижали другие.

Чжэн Шаньцы обнял Юй Ланьи за талию, коснулся его носом и провёл пальцами по пояснице.

— И как же ты собираешься меня обижать?

Лишь бы не били.

«И всё-таки быть на содержании у богатого супруга — одно удовольствие, — подумал Чжэн Шаньцы. — Неудивительно, что многие об этом мечтают»

Они лишь обменялись поцелуями, и Юй Ланьи, почувствовав сонливость, заснул в его объятиях, вцепившись во сне в его нижнюю рубаху. Беззаботный молодой господин.

Всех причастных к преступлениям семьи Чэн арестовали, не тронув лишь внуков. Госпожа Чэн смотрела на толпу наложниц и слуг, суетившихся в задних покоях. Когда регистратор Цзян пришёл с людьми описывать имущество, многие служанки и слуги, прихватив что-то из хозяйского добра, сбежали. Многие наложницы, собрав свои пожитки, тоже скрылись. Сейчас перед ней стояло около двадцати женщин и гэ'эров, рыдающих и ждущих её решения.

— Что вы теперь плачете? — резко оборвала их госпожа Чэн. — Вам мало того, что в доме и так суматоха?!

Они тотчас умолкли. Старший внук со своим фуланом, оцепенев, стояли за её спиной. Чэн Вэнь тоже вернулся из школы. Теперь, когда в семье случилось такое несчастье, он не мог участвовать в экзаменах. Все его надежды рухнули. Сердце его наполнилось горечью. Он был очень начитан и в глазах наставника считался самым способным учеником, но так и не дождался своего шанса. В его душе родилась ненависть к Чжэн Шаньцы.

Если бы он смог сдать экзамены и получить степень цзиньши, разве посмел бы чиновник Чжэн так распоряжаться их судьбами?

Она, подавив гнев, произнесла:

— Ваши договоры здесь. В семье сейчас трудно, но я дам каждому по ляну серебра. Берите свои договоры и уходите.

Обитатели задних покоев, услышав это, поспешили с благодарностями забрать свои договоры и деньги и покинуть поместье.

Госпожа Чэн поступила весьма великодушно. Другие в такой ситуации продали бы наложниц и служанок торговцам людьми, чтобы выручить хоть какие-то деньги. Ведь договоры были у них в руках, и они могли распоряжаться их жизнями по своему усмотрению.

Она хотела накопить немного добродетели для своих сыновей. Семья Чэн и так нажила в уезде Синьфэн достаточно врагов. Создавать новых было бы неразумно. Женщина собиралась вместе с двумя родными сыновьями отправиться в Сюйчжоу, к своей семье. Раздав немного денег, она надеялась спокойно покинуть это скорбное место.

Увидев, что почти все ушли, и остались лишь несколько наложниц, у которых были дети, она вздохнула. Одна из них робко произнесла:

— Госпожа, одного ляна серебра не хватит, чтобы прокормить нас с ребёнком.

— Ты женщина умная, должна понимать, что в поместье больше нет денег, — ответила госпожа

Чэн. — Я возвращаюсь в дом своих родителей. То, что я перед уходом вершу справедливость, уже великое милосердие. Что до тебя и твоего сына, вам придётся самим искать дорогу в жизни. Я и сама, как глиняный бодхисаттва, переходящий реку, — едва могу спастись.

Наложницы, услышав это, могли лишь поблагодарить госпожу Чэн и уйти. Тех, кто пытался скандалить, она, нахмурившись, велела слугам выставить вон, а их договоры отобрала.

— Неблагодарная тварь, — холодно бросила она. — Продайте её.

Те, кто хотел было выпросить больше денег, присмирели. Когда все ушли, госпожа Чэн сказала:

— Старший сын, ты пойдёшь со мной в гостиницу. В этом доме нам сегодня ночевать нельзя. Второй сын, твой путь к чиновничьей карьере теперь закрыт. Найди инспектора Ли, он был близким другом твоего деда. Спроси, не сможет ли он тебе чем-то помочь. Ведь ты столько лет учился.

При мысли о Чэн Вэне сердце матери сжалось от сожаления. Почему беда не подождала, пока он сдаст экзамены? Теперь в семье Чэн не осталось талантов, всё оказалось пустыми надеждами, как если бы обезьяна пыталась выловить луну из воды.

— Я сейчас же пойду к инспектору Ли, — понуро ответил Чэн Вэнь.

Старший внук совсем пал духом. Его фулан, которого он взял в жёны сразу после приезда Чжэн Шаньцы, стоял рядом, такой же оцепеневший. Старший сын не унаследовал распутства главы семьи Чэн, но был слаб характером. Госпожа Чэн взяла его за руку и повела в гостиницу.

Чэн Вэнь шёл по улице, не смея поднять головы. Насколько высоко он прежде держал её, настолько низко опустил теперь. Он почти бегом добрался до почтовой станции и попросил начальника позвать инспектора Ли.

— Но... у него сейчас супруг начальника уезда, — ответил тот.

Сердце Чэн Вэня пропустило удар. Он помнил Юй Лань. Увидев его однажды после возвращения из школы, он расспросил о нём гэ'эра Сюя и, узнав, что это фулан начальника уезда, оставил свои надежды. Что он здесь делает? Чэн Вэнь слышал, что Чжэн Шаньцы в суде не оказал инспектору Ли никакого уважения.

«Неужели Чжэн Шаньцы, не сумев сохранить лицо, послал своего фулана просить прощения у инспектора Ли? — холодно усмехнулся он. — В суде был таким дерзким, а теперь пришёл на поклон. Лицемер»

— Я поднимусь и посмотрю, — сказал он.

Поднимаясь по лестнице, Чэн Вэнь услышал звон разбитой чашки. Он замер. Инспектор Ли, в конце концов, был чиновником двора. Неужели у него настолько мелочная душа? Он ускорил шаг. Личный слуга инспектора Ли, стоявший у двери, выглядел весьма странно.

Из комнаты донёлся звук разбитой вазы.

Чэн Вэнь, почувствовав тревогу, поспешил вперёд.

— Я второй внук семьи Чэн, пришёл к господину инспектору. Могу я войти?

Слуга оглядел его.

— Господин сейчас беседует с... молодым господином Юй. Подождите.

Из-за двери донёлся грохот опрокинутого стола.

Сердце Чэн Вэня сжалось.

— Супруг начальника уезда, в конце концов, гэ'эр. Даже если господин инспектор зол на чиновника Чжэна, он не должен срывать свой гнев на гэ'эре. Это недостойно. У обиды есть имя и виновник. Если господин инспектор гневается, пусть ищет чиновника Чжэна. Зачем обижать невинного?

Слуга промолчал.

И кто тут кого обижает, спрашивается.

<http://bllate.org/book/15809/1439947>